

Черноухий волк — в глазах чуть ли не кровь налилась, сам бешеный, да еще и другого полубезумного льва с собой заводит — оба зверя, поднявшись на задние лапы, были под два метра ростом, и они медленно приближались к Кевину и Освальду... Их мощные лапы ступали бесшумно, но словно отсчитывали последние секунды. Пять метров, три... и вдруг бросок!

Кевин рубанул мечом, целя прямо в брюхо черноухому волку. И когда когти волка уже почти касались лица Кевина, а его клинок уперся в живот зверя, ночной тишины пронзил крик:

— Папа!!!

Рука Кевина дрогнула: это же тот маленький гаденыш, что удрал с Мио! И кому это он опять «папу» кричит? В следующее мгновение в него влетело что-то похожее на пушечное ядро, он пошатнулся назад и вместе с Освальдом покатился по земле.

Тут же со всех сторон послышались торопливые шаги, и вокруг них сгруппировались воины. Кевин приподнялся с земли и увидел, что подоспевший отряд Бронзовой армии окружил двух хищников, а тот маленький проходимец, снова приняв звериный облик, одной лапой прижал морду черноухого волка к земле, а другой оттолкнул слепого льва в сторону, с силой потерялся о него и наконец успокоился. Способ приветствия был грубоват — когти он не втянул, так что мог легко поранить.

Мио подвел гиппогрифа и, войдя в переулок, долго смотрел на этот хаос, наконец нашел, с чего начать:

— Так... эти два зверя не отставали от вас, а вас, наоборот, от императора оторвали?

Воины Бронзовой армии промолчали. В этот момент их душевная тень могла бы покрыть весь город.

Освальду было не до выговоров отряду — Кевин так маневрировал, что оторваться от него было проще простого. По крайней мере, они с Кевином сидели здесь живые и невредимые, все обошлось. Но больше его занимали три огромных зверя, сбившихся в кучу.

Этот непонятный детеныш точно был из расы гигантских зверолов, и он назвал слепого льва папой. Освальд хмыкнул, повернулся к Кевину:

— Выходит, этот парень искал именно его... А ты говорил, его родные приютили тебя на несколько лет? А?

Кевин, уличенный фактами, махнул рукой и начал отнекиваться:

— Что «а»? Сначала разберись с тем, что у нас под носом, а потом тяни волынку.

— У тебя на всё отговорка, — фыркнул Освальд, но признал поражение, и обратился к маленькому льву: — Пусть они примут человеческий облик, иначе мои люди не смогут убрать оружие. Понимаешь, мелкий?

Маленький лев снова превратился в мальчика, огляделся и покачал головой:

— Боюсь, сейчас не получится. Они не могут перекинуться.

— Почему? — нахмурился Освальд.

Кевин ответил за мальчишку:

— Один слишком голоден. Насколько я знаю, когда зверолюди-гиганты в крайнем истощении, они инстинктивно сохраняют звериный облик — так они сильнее и могут защитить себя. А другой... я подозреваю, его чем-то накачали — он почти бешеный, перевозбужден и не может вернуть человеческий вид.

Маленький лев закивал и выпалил:

— Дайте мяса — я буду звать вас вторым папой!

Кевин мысленно фыркнул: «Твой родной отец рядом, не боишься, что он тебя отлупит?»

— Что за чушь! — Освальд был поражен наглостью этого малыша.

Он махнул рукой, приказав воинам Бронзовой армии помочь малышу перетащить двух зверей в Заброшенный храм Вороньего Гнезда.

— Как они до такого дошли? Где вы нашли моего папу? — маленький лев вилял хвостом, пересчитывая раны на теле отца, совершенно забыв о собственных отравленных ранах.

Кевин и Освальд переглянулись, и оба одновременно вспомнили слова Бота: «Мы схватили в Долине Черепов одного бродячего льва. Наверно, заблудился и питался отбросами».

Такое описание вряд ли кого-то обрадует, тем более ребенка лет семи-восьми, поэтому они оба решили промолчать и перевели разговор на другое:

— Как вы с ним разлучились?

Когда этот мальчуган был с Кевином и остальными, он вел себя так, будто «три дня не били — и уже на крышу лезет». А теперь, найдя отца, присмирел, даже его взлохмаченные волосы улеглись. Он принес целую охапку костей с мясом и стал одну за другой совать их в пасть льву.

Когда лев проглотил последний кусок и, устало пошевелив ушами, задремал, мальчик вытер руки и подошел к Кевину.

Он уселся на подножку повозки, свесил ноги и тихо сказал:

— Май — ну, мой папа — у него... память плохая, многого не помнит, даже что только что делал, кого встречал и где мы живем. Но он бросается на любой храп. Так что мы часто теряем друг друга, но я всегда его нахожу. Могу поспорить, когда он проснется, он не вспомнит, что встречал вас.

Кевин жевал мясо и вдруг нахмурился, поднял руку:

— погоди, ты сказал, твоего отца зовут Май?

— Да, — ответил мальчик. — А что?

— Я раньше знал одного человека с таким именем... — задумчиво произнес Кевин.

С гигантскими зверолюдьюми он общался реже, чем с Песчаными призраками, но кое-что знал: хоть они и единое племя, обычно они не любят селиться вместе, предпочитают жить поодиночке. Только при серьезной угрозе они собираются, чтобы готовиться к войне. Из-за редких контактов к именам они относятся небрежно — это лишь условные знаки, чтобы различать друг друга. Насколько знал Кевин, они любят односложные имена — легко

выговорить, и лениться не надо.

Имя «Май» было одним из немногих, что Кевин запомнил, и самым ярким.

Потому что это было имя прежнего вождя Племени гигантских зверей.

Примерно десять лет назад Кевин видел его в человеческом облике на поле боя против Песчаных призраков — тот был крепким мужчиной с золотисто-каштановыми волосами и небритой щетиной. Из-за расовой принадлежности он в полный рост достигал больше двух метров, как мускулистый великан, и стоял, словно скала, впереди армии зверолодей-гигантов. А затем он повел за собой отчаянных воинов и вместе с Бронзовой армией Кевина разгромил полчища Песчаных призраков.

Воспоминание было настолько ярким, что Кевин никак не мог связать это имя с дремлющим перед ним львом.

Позже он слышал слухи, что Май попал в засаду Песчаных призраков и, вероятно, больше не сможет участвовать в битвах. Племя гигантских зверей всегда придерживалось самого сурового закона выживания, поэтому Май из вождя стал бывшим вождем и бесследно исчез...

Маленький лев почесал в затылке:

— Тоже имя Май? Странно, среди моих сородичей нет никого с таким же именем.

Значит, это он.

Кевин посмотрел на льва, и в душе у него смешались чувства.

Рядом черноухий волк пил воду с успокоительным отваром — на вкус, видно, не очень, он сделал пару глотков, фыркнул, потряс головой и раздраженно заворчал, а затем по привычке издал завывающий звук.

Дремавший лев резко поднял голову. Его глаза, пересеченные шрамами, неестественно слиплись, хромая нога несколько раз напряглась, и он с трудом встал.

Он выгнул спину, пытаясь уловить в вое информацию для боя, но маленький лев прыгнул с повозки, подбежал и стал его успокаивать:

— Папа, это я, Бан. Никаких Песчаных призраков, никто не ранен. Это я просто завыл. Отдохни еще, хорошо?

Лев растерянно убрал когти, и когда маленький лев Бан прижался к нему, постепенно успокоился, пару раз хлопнул его лапой и снова лег.

Освальд прищурился, глядя на них, о чем-то задумавшись. Через некоторое время он усмехнулся и тихо сказал:

— Ничего, сына помнит.

Он ослеп на оба глаза, охромел на одну ногу, ум помутился, память стерлась — он стал совсем не тем, что десять лет назад, и запомнил только две вещи:

Он воин.

И у него есть сын.

<http://bllate.org/book/18285/1753180>